

Севера СССР (до 450 местонахождений). Все это делает работу А. Я. Брюсова не только интересным этюдом по древней истории Карелии, но и необходимым пособием, без которого не обойтись в практической работе археологам Советского Севера.

С. Киселев

F. CUMONT, L'Egypte des astrologues. Edité par la Fondation Egyptologique Reine Elisabeth. Bruxelles, 1937. 254 + 2 стр.

В основу новой работы выдающегося исследователя положены совершенно своеобразные по характеру источники: астрологические сочинения древности. Кюмон взглянул на эти источники с новой точки зрения, решив использовать их как исторический материал для характеристики общества эллинистического Египта.

Труды древних астрологов много изучались и в древности и в средние века. Это изучение обуславливалось практическим интересом к астрологии, стремлением познакомиться с тайнами этой науки из первоисточников. В новое время работами астрологов интересовались мало и даже видели в них иногда лишь «живое доказательство слабостей, наиболее позорящих человеческий ум» (Letronne). Только в конце XIX в. меняется взгляд на значение этих работ, их начинают изучать, как исторические документы.

Решающий шаг вперед в деле изучения греческой астрологии был сделан в обстоятельных и интересных работах Буше-Леклерка. В 1879 г. появился его труд об искусстве предсказаний у древних¹, в котором автор вкратце останавливался и на астрологии. Его же «Греческая астрология»² сохраняет свое значение до настоящего времени для ознакомления с астрологической наукой древних, несмотря на огромный рост материала и соответствующей литературы за последние 40 лет. В 1898 г. началось издание свода древних астрологических сочинений—*Catalogus Codicum astrologorum*. До настоящего времени вышло 17 томов (последний—в 1936 г.). Помимо этого, переиздавались отдельные авторы: так наз. Манефон, Манилий, Фирмик Матерн, Веттий Валент и др. Важный материал дали египетские папирусы: отрывки из астрологических сочинений, гороскопы и пр. (см., например, P. Mich., III, № 148—153). Работы греческих и римских астрологов были выведены из забвения и стали рассматриваться как ценный исторический материал. В связи с этим следует отметить, что стал яснее и вопрос об источниках позднейших обширных сводок сведений по астрологии римского времени: в основном можно считать, что их содержание восходит к гораздо более древней эпохе и что они передают систему взглядов, практические приемы, понятия и быт общества эллинистической эпохи³. Автор рецензируемого труда, исходя из этого представления об источниках астрологических работ, и поставил перед собою задачу: показать эллинистическое общество, его административную организацию, религию и мораль, используя обильные данные астрологических сочинений. Он стремится доказать, что эти сочинения в этом отношении особенно важны ввиду почти полной потери исторических произведений греко-египетских авторов этого времени. Кюмон справедливо полагает, что сопоставление редко читаемых и малодоступных астрологических текстов должно принести большую пользу египтологам и папирологам. Богатство данных, характеризующих социальное и моральное состояние эллинистического Египта, не является единственным достоинством используемого материала. Его значение определяется в значительной мере и другим обстоятельством: тем, что он рисует картину этого общества, выражаясь словами автора, не с фасада, не с точки зрения господствующего слоя (греков), а из глубины, как он представлялся людям из местного населения. Наиболее древние астрологические работы показывают почти полное незнакомство

¹ A. Bouché-Lecleercq, *Histoire de la divination dans l'antiquité*. Paris, 1879.

² A. Bouché-Lecleercq, *L'astrologie grecque*. Paris, 1899.

³ Kroil, *Kulturhistorisches aus astrologischen Texten*. «Klio», B. XVIII, 1923.

⁹ Вестник древней истории № 1(14)

их авторов с жизнью эллинистических городов, свидетельствуют об ином быте и иных понятиях, чем те, с которыми мы встречаемся обычно в греческих папирусах. Астрологи дают, по мнению Кюмоиа, живую картину греко-египетского общества, иарисованную представителями покоренного населения. Автор идет дальше и считает возможным установить совершенно определенную социальную среду, из которой выходили труды астрологов. Эти труды, содержащие лишь скудные данные о жизни греческих городов, изобилуют сведениями о храмах, организации жречества, о культах и пр. Местные святилища и были теми центрами, из которых вышли эти работы, эллинизированные египетские жрецы—их авторами¹.

Несмотря на небольшой размер книги Кюмона, в ней сосредоточен огромный материал: в примечаниях даются многочисленные и разнообразные ссылки и цитаты. Среди использованных источников один, по признанию самого автора, занимает совершенно особое место: это—недавно (в 1936 г.) появившаяся работа Гунделя «Новый астрологический трактат Гермеса Трисмегиста»². Гундель признал в одной латинской рукописи эпохи Возрождения перевод греческого астрологического трактата птолемеевского времени. Этот трактат восходит к III в. до н. э., но содержит позднейшие добавления и исправления. Он по-новому освещает уже известный материал. Кюмон называет его «настоящим откровением» в области древнейшей греко-египетской астрологии. Текст, изданный и тщательно прокомментированный Гунделем, подтверждает мысль, высказанную Кроллем, что Вавилон имел сравнительно незначительное влияние на греческую астрологию, что систематизация и развитие астрологических теорий—дело египтян. Трактат Гермеса Трисмегиста явился руководящим источником для Кюмоиа. Книга Кюмона делится на две части: 1. Правительство и общество и 2. Религия и магия. В первой части автор в отдельных небольших главах рассматривает следующие вопросы: царь и двор, командиры и должностные лица, номы, опасности экспедиций, города, игры, ремесленные объединения. Во второй части следуют главы на темы: жречество, иностранные культы и неверующие, культ мертвых, обитатели храмов, гносис и дивинация, магия, нравы, уголовное право, загробная жизнь. Как видно из этого перечня, изложение не отличается строгой систематичностью: наряду с основными вопросами администрации птолемеевского Египта подробно затрагиваются другие маловажные темы (например, игры); главные стороны общественного строя охарактеризованы далеко не полно (почти отсутствуют, например, данные о сельской жизни). Во второй части наряду с вопросами морально-религиозного порядка дано уголовное право, после чего следует глава о загробной жизни. Но эту пестроту изложения нельзя считать недостатком рассматриваемой работы, так как она, естественно, обусловливается особенностями своеобразных источников, на основании которых написана книга. По намеченным вопросам читатель в книге Кюмона получает, несомненно, богатый материал в прекрасном изложении. Новая работа, так же как и прежние труды того же автора, читается легко и с большим интересом.

Если мы теперь обратимся к вопросу о том, что она дает нового, то придется согласиться с автором, что главная ценность ее—в показе эллинистического Египта с иной стороны, с иной точки зрения, чем обычно. Нельзя найти в астрологических сочинениях достаточно полную и новую характеристику политического и общественного строя птолемеевского Египта. Авторы их упоминают о различных учреждениях и отношениях постольку, поскольку это требуется в их совершенно своеобразных целях, и нередко то, что устанавливает на основании высказываний астрологов Кюмон, является очень общим и уже известным. Так, и сам автор замечает (стр. 53): «астрологи мало сообщают нам об аренде и обработке земли». Тексты говорят об этом, продолжает он, в таких общих терминах, которые могли бы быть применены к крестьянам любых стран и времен. Таким же характером отличаются сведения о царской администрации. Указания астрологов относительно хозяйственного управления в египетских храмах слишком смутны и недостаточны, чтобы можно было проследить изменение политики

¹ Ср. несколько иной взгляд Кролля в указ. соч., стр. 213.

² W. G u n d e l, Neue astrologische Texte des Hermes Trismegistus (ABAW, N. F., XII, 1936).

государства в этом отношении (стр. 116). Даже о жречестве астрологические источники не дают достаточно точных сведений и т. д. И все же, несмотря на эту общность и неполноту известий, эти источники сообщают много интересного для характеристики птолемеевского общества. Они очень живо рисуют социальные противоречия: с одной стороны, «великих» (μεγιστῶνες) царского двора, составлявших истинную опору Птолемея (стр. 34), и, с другой стороны, печальную судьбу крестьян, положение которых сравнивается с положением рабов, занятых уборкой нечистот или очисткой улиц от мусора (стр. 54); сообщают о ремесленниках разнообразных профессий и очень подробно о различных категориях храмового персонала. Особенно красочен материал о жречестве. Эпистаты храмов—это те же царские чиновники, использующие свое административное положение в целях личного обогащения. Фирмик Матерн отмечает, что жрецы имеют великие возможности, располагая богатствами храмов. Ему вторит Манефон, утверждая, что они собирают себе великое богатство (πολὸν ἄλβον) (стр. 115). Астрологи говорят о пышных пурпурных одеяниях главных жрецов, о венках, которые они носили, о непосредственной близости их к царю. Астрологические тексты постоянно говорят о столистах, иерограмматевсах (храмовых писцах), неокорах, пастофорах, гадателях, низших храмовых служителях и пр. Эти тексты рисуют внутренние противоречия птолемеевского Египта с точки зрения представителей той социальной среды, из которой вышли авторы трактатов. Из папирусов известно, что храмы и жрецы не раз подвергались нападению во время народных движений: мятежники, выступавшие против царя, являлись в то же время и нечестивцами (ἀσεβεῖς), действовавшими против храмов. У астрологов мы находим многочисленные инвективы против этих нечестивцев: это, по выражению авторов трактатов, безбожники (ἄθεοι), богоборцы, презирающие богов; они стоят наряду с богохульниками, нарушителями клятвы, святотатцами. Кюмон в главе 9-й второй части своей работы («Иностранные культы и неверующие») сопоставляет соответствующие данные по этому вопросу, но, к сожалению, не в достаточно широких рамках социальной истории птолемеевского Египта. Папирусы позднего птолемеевского времени и Розеттский камень свидетельствуют, что жречество было враждебно так наз. «национальному» движению в Египте, т. е. движению широких масс населения, и поддерживало господствующий класс, «эллинов». В этом отношении очень характерно выражение Манефона: «ненавистник эллинов, не воздающий чести богам» (стр. 135). Нечестивец оказывается и врагом «эллинов», что вполне согласуется с данными о характере борьбы в греко-римском обществе II и I вв. до н. э. Папирусы не раз сообщают о вымогательствах в храмах со стороны царских чиновников, а также о насилиях по отношению к жрецам со стороны египтян. Понятно, что для астрологов, вышедших из жреческих кругов, нарушители прав храмов стоят наряду со взломщиками, ворами, святотатцами, разбойниками и убийцами. Наихудшим преступником с их точки зрения является ἱερόσυλος, похититель священного имущества.

Интересны также известия астрологов о населении, жившем внутри храмовой ограды. Среди этого населения довольно часто встречаются рабы. Кюмон затрагивает также сложную, все еще не окончательно разрешенную проблему *χάτοροι*. В них Кюмон видит людей, посвятивших себя божеству, отдавших в храм свое имущество и проводивших свою жизнь в пределах священного округа. *Χάτοροι* не могли переступить через порог святилища, связанные своим обетом. Кюмон не согласен принять ни то определение *χάτοροι*, которое мы находим у Вилькена (*χάτορη* = Gotteshaft), ни определение Вёсс (*χάτοροι* = *χέται*). Он стремится объяснить положение *χάτοροι* взаимным проникновением в Египте государства и религии, тем, что светская администрация признавала юридическую значимость за религиозным обетом и уход *χάτοροι* из храма приравнивался к дезертирству воинов. Их положение, по его мнению, равнозначно положению монахов при старом порядке. В настоящей рецензии нет возможности рассматривать проблему *χάτοροι*. Заметим только, что, несмотря на правильность общего взгляда Кюмона и Кролля на использование позднеримскими авторами в основном источников эллинистической эпохи, этот взгляд нуждается в отдельных случаях в некоторых ограничениях. Когда Кюмон рисует на основании высказываний астрологов *χάτοροι* как

полуголых, одетых в рубище людей, с шевелюрой, похожей на лошадиный хвост, с веригами на истощенном теле, то эта характеристика все же больше подходит к аскетам и «одержимым богом» конца Римской империи, чем к *хэтоус* эллинистической эпохи, как они знакомы нам из серапейских папирусов. И в этом вопросе можно ожидать уточнения, очевидно, по мере дальнейшего изучения источников отдельных работ астрологов.

Помимо часто интересных данных о социальных отношениях и администрации эллинистического Египта, материал, сосредоточенный в работе Кюмона, наводит на размышления и относительно развития научных и религиозных идей. Астрологи, например, отмечают культ великой богини, широко распространившийся в эллинистическую эпоху и проникший в Египет. *Terminus a quo* для этого устанавливается в последней большой работе W. Otto, *Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäischen Reiches*, 1938. Распространение культа фригийской матери в Египте связано с политикой Птолемея Еввергета II и Клеопатры III, т. е. со второй половиной II в. до н. э. Сочинения астрологов указывают во многих случаях на взаимодействие египетских и греческих или римских взглядов, например в вопросе о культе мертвых, о браках между братом и сестрой и пр. В общем вторая часть, как этого и можно было ожидать по характеру материала, содержательнее и интереснее первой.

Специальный экскурс в «Приложении» посвящен вопросу об указаниях на определенные исторические факты у одного из авторов, а именно у Фирмика Матерна. Несмотря на сглаживание конкретных подробностей у позднейших астрологов, все же у них сохранились некоторые намеки на первоначальные события, послужившие основой для гороскопов. В изложении теории *monarchia* можно найти, например, указания на правление временщиков после смерти Птолемея IV Филопатора.

В целом книга Кюмона заслуживает полного внимания. Она дает много ценных наблюдений по истории египетского общества птолемеивской эпохи, широко использует в этих целях новую, обширную и своеобразную категорию исторических источников, сопоставляет данные этих источников с сообщениями других авторов. Сопоставление это, сделанное на основе глубокого знания истории общества и религии эллинистической и римской эпохи, является необходимым для каждого, интересующегося историей античного мира. Можно только пожелать, чтобы за работой Кюмона последовали другие труды, более специального характера, которые могли бы более полно осветить значение исторического материала, имеющегося у астрологов, и на основании анализа их источников уточнить датировки отдельных явлений.

К. Зельин

JULIUS JUNGE, Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. «Klio», Beiheft XLI («Neue Folge», N. 28). Leipzig, 1939. VIII + 115 стр., 2 табл.

Небольшая, но содержательная работа Юнге посвящена сакам, древнейшему из кочевых народов, населявших степи и горы Средней Азии и Казахстана, имя которого сохраниено историей. Сведения о древнем населении этих районов исключительно бедны. Они состоят из двух главных частей: немногочисленных и смутных упоминаний у античных писателей, дошедших до нас большей частью только в позднейших извлечениях и пересказах, и еще менее многочисленных, но более ясных упоминаний в надписях древнеперсидских царей и изображений на их барельефах и печатях. Для более позднего времени—начиная со II в. до н. э.—мы имеем еще относительно подробные и точные китайские известия. Весь этот материал чрезвычайно скуден, и, по откровенному замечанию Юнге, на многие важные вопросы он вообще не дает ответа. На некоторые из таких вопросов ответ может дать только начатое в последнее время археологическое изучение мест, где жили когда-то саки; на некоторые же вопросы ответов мы, может быть, не получим никогда.